

Почерный Ленинград Авт. 21. - 1965
г. Ленинград

МЕКСИКАНСКИЙ БАЛЕТ

В Ленинграде начал свои гастроли Балет фольклорно де Мехико, существующий при Национальном институте изящных искусств Мексики. Первое же его выступление вызвало большой интерес. Оригинальность программы и исполнительский стиль ансамбля определили его успех.

Среди малочисленных балетов, показанных мексиканскими артистами, есть произведения на сюжеты философские (жизнь человека от рождения до смерти), бытовые (ревность на свадьбе), социальные (эпизоды революционной борьбы мексиканцев). Артистам не все удалось воплотить с равной силой, но тематические поиски ансамбля свидетельствуют о широте взгляда на цели и возможности танцевального искусства. В балете «Революция» все — от вздымаемых ввдох руной до страстного звучания хора — наполнено чувством великой надежды, народного порыва к свободе и счастью. В миниатюре «Олень» изображается гибель подстреленного охотниками прекрасного животного — и исполнитель главной роли проявляет не только виртуозное мастерство танца, но и способность передать подлинный трагизм. Юмор проницает хореографическую ценку боя быков...

Пластическое богатство мексиканских танцовщиков и танцовщиц так же разнообразно, как и музыкальное сопровождение программы, где звучат самые различные народные инструменты Мексики — от тына, наполненной водой, до своеобразной эрфы и ксилофона. Умение использовать различные звуки помогает ансамблю как можно полнее раскрыть содержание балетов; браслеты, звенящие на ногах танцовщиц, словно усиливают их жизнерадостность, как и веселое постукивание каблучков испанских туфель или дробный шаг в ритме чечетки. Но блестящие серебряные погремушки, трещащие звонящие в руках танцовщица-Олень, помогают почувствовать страх и отчаяние затравленного зверя.

Сочетание классического, современного и народного танцевального языка, которое руководительница ансамбля Амалия Эрнандес сделала программным для своей хореографии, придало пластике мексиканских артистов особый колорит. В этой пластике легко уловить и

традиционные национальные особенности испанской и индейской пляски, и танцевальную лексику нашего времени, природный фольклор, и виртуозный артистизм. То, что танец иногда исполняется босиком, придает ему естественность, которая так привлекает в рисунках на древних вазах. На фоне умело освещенного сценического горизонта фигуры актеров временами возникают, как фресковые изображения, запечатленные на древних стенах.

Артисты глубоко чувствуют музыку, временами ощущаются, как они ее слушают, словно впиваясь в себя. Примечательно, что характер их танца зависит не только от мелодии, но и от того, какие инструменты ее исполняют. Ударам барабана соответствует броская пружинистость шага, а звуки эрфы и гитары рождают мягкость, округлость каждого «приземления».

Танцевальная техника мексиканцев своеобразна. Благодаря необычайной гибкости ступни шаги танцовщиков достигают изощренной узорчатости, а их прыжки похожи на полет. Движения на полупальцах имеют особую воздушность, и танец в отдельных случаях становится подлинно одухотворенным. Особенно красноречиво это проявилось в одном из маленьких балетов,

изображающем влюбленных. Когда жених и невеста, танцующие босиком, приподымаются над землей, вставая на полупальцы, это передает взлет их чувств, исполненных возвышенной чистоты и гармонии. Их танец, исполняемый под нежный и лирический перезвон ксилофона, полон обаяния. Юноша простирается над землей, чтобы слезть пылинки с дороги, по которой ступает его любимая, — и этот прекрасный порыв захватывает. Танец раскрывает тайнство любви, всю ее серьезность, глубину и духовную силу.

В танцах пропаляется богатство музыкальных ритмов Мексики. Слово растворяется на глазах у зрителя, скользят тени женских фигур в финале балета, изображающего жизнь человека; под звуки хора прославляется человеческое бытие даже в час смерти, в час заката. В других случаях танец обрывается неожиданно, как бы на полуслове, и это придает всей программе особый темпераментный ритм. Балет «Революция» завершается пластической композицией, передающей устремленность людей вперед, явь, их единение, их энергию.

Превосходны костюмы (художник Гаша), безупречна по вкусу гамма красок — например черные, отделанные серебром костюмы мужчин

с маленькими зелеными галстуками или белые воздушные платья женщин с алыми манжетами в волосах и талии же алыми манжетами, вышитыми на крошечных черных фартучках. Причудливые маски в «Танце богов» и подлинные народные одежды в жанровых сценах равно выразительны.

Откровенная театральность отдельных эпизодов (жених мчится и невеста на деревянном игрушечном муле) нисколько не нарушает общего реалистического колорита программы. Реализм мексиканского танца — не в бытовом правдоподобии, а в правде характеров героев, в живой органичности чувств на сцене.

Искусство Балета фольклорно де Мехико, продемонстрированное в Ленинграде, снова показало, какое огромное богатство таит народное творчество, каким неиссякаемым источником идей и образов является танцевальный фольклор. И можно испытывать только самое глубокое уважение к труду Амалии Эрнандес, собирательницы этого фольклора, которая строит свои маленькие балеты на основе народных обрядов и танцев. Знакомство с мексиканской хореографией обогащает наши представления о мексиканском искусстве.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО